
НОВЫЕ ЗАПИСИ (НЕ СВОЕЙ РУКОЙ)

ВАРДАН АЙРАПЕТЯН

Вардан Айрапетян – не самый известный автор в Армении, хотя в Энциклопедии по армянской книжной печати и книжному искусству (Հայ գրքագրության և գրքարվեստի. Հիմնադրամատյան, 2015) и есть небольшая статья о нем и его вкладе в герменевтику русского языка. Какой это именно вклад, насколько глубоко ему удалось проникнуть в толкование русского слова, можно узнать из публикаций известных российских ученых, помещенных в настоящей подборке. Кстати, и в арменоведении он оставил свой след – мало кому известно, что в русском издании «Армянских преданий» А.Т. Ганалаяна (Изд. АН Арм. ССР, 1979), одним из ответственных редакторов которого был Вардан Айрапетян, переводы преданий, подписанные А. Варданяном, сделаны им совместно с Арамом Ганалаяном – имя переводчика составлено из комбинации их имен.

Вардана Айрапетяна я знаю со школьных лет, но интенсивно мы стали общаться в студенческие годы. Вардан всю жизнь писал одну книгу. Вначале это были художественные заметки, как мне казалось, на автобиографической основе. Сохранились ли они, мне неизвестно. Автором рассказов на разные темы его невозможно вообразить, он мог писать, углубляться лишь в одном направлении. Потом он стал писать другие заметки, уже герменевтического характера, и опять в рамках одной темы, развивающей вопрос: что значит «сказал» в одной русской сказке? Эти заметки, вернее тщательно отполированные маленькие статьи, конструктивно и содержательно суть примечания к этому вопросу, толкования толкований. Однажды поздно вечером он позвонил мне и взволнованно сказал, что нашел главную схему своих толкований. Я поспешил к нему, и он до поздней ночи рассказывал, как пришел к тому, что потом стало статьей «г7: Виды говорения». Читатель скорее всего прочтет ее как одну из лаконичных содержательных статей – он вообще должен быть готов к внимательному чтению, так как Вардан избавлял свои статьи от лишних слов, но там заложена главная формула, движущая сила бесконечной по сути работы, в которой можно найти неожиданные ответы на многие занимавшие вас давно или появившиеся при чтении вопросы, вы должны быть готовы к глубокому погружению, потому что через сюжет про глупцов, не умеющих сосчитать, можно увидеть идею Бога.

Заметки-статьи переросли в книгу «Толкуя слово: Опыт герменевтики по-русски» (Языки славянской культуры, 2001), расширившись затем в двухчастное второе издание с дополнениями и поправками (Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2011). Затем Вардан продолжал добавлять новые примечания-толкования, которые он писал, пока мог это делать. В настоящей подборке публикуются самые последние толкования, которые он продиктовал своим друзьям.

Вначале Вардан писал свои толкования для себя, он не думал об их публикации. Если и думал, то в неопределенном будущем. Не считал, что написанное можно и стоит публиковать. Непонятный страх перед публикацией Вардан преодолел (как он сказал мне однажды), когда в течение двух лет в начале 1980-х практически каждую среду он (филолог) с тремя друзьями – физиком-философом и двумя антропологами (один из них я) вели беседы о числах, которые затем записывались и снова обсуждались, что в итоге стало неоконченной работой «Разговор о круглых и абсолютных числах». Впрочем, свою часть бесед Вардан опубликовал в своей первой книге «Герменевтические подступы к русскому слову» (М., Лабиринт, 1992) в разделе «Разговор о круглых числах» (с. 133-184), с большими цитатами и резкой критикой собеседников в обширных примечаниях. Собственно «Разговор о числах» был спором между филологом-герменевтом и, можно сказать, филологом неопифагорейского толка, антропологи же служили как бы культурным буфером между ними. Годами оттачиваемая филология Вардана, его избирательная эрудиция делали его замечания строгими и острыми. Признаюсь, что я (и не только я один) его немного побаивался – мои нередко неточные знания становились порой еще более несовершенными перед его безукоризненностью. (Я невольно вспомнил об этом, когда на его похоронах один из друзей-филологов поднес венок с надписью «Строгому филологу».) Зато я бывал вдвойне вознагражден, если Вардан находил мою мысль интересной. Собственно именно Вардан убедил меня написать мои «Беседы у дерева» (Языки славянской культуры, 2005), где он нередко является прототипом собеседника автора.

Вардан был человеком исключительно письменным, во всяком случае, таким он себя считал. Поэтому когда у него возникли проблемы со зрением и он уже не мог ни читать, ни писать, работа над «Толкованиями» остановилась. Я был с этим не согласен – мы нередко беседовали с ним на темы из его «Толкований» или близкие к ним темы, он с большим увлечением и намного понятнее, но вовсе не упрощая, рассказывал о том, что было им написано в книге и что мне (думаю, не только мне) порой приходилось читать не один раз, чтобы понять должным образом – герменевтика ведь предполагает также тайное

знание. Я предложил поэтому записывать на диктофон эту устную версию «Толкований». Я бы потом расшифровал записанное и прочел ему, а он бы отредактировал. Так мы имели бы еще одну, устную и более «популярную» версию «Толкований». Но Вардан каждый раз отказывался от этой затеи, не желал даже попробовать. И дело было не в том, что там появился бы недостойный собеседник, как я было подумал – я собирался оставить только его текст, такая практика существует в антропологических интервью. Наконец он признался, что не доверяет устному тексту, особенно своему, и что он принципиально письменный человек. «А ты можешь потом записать наши беседы», – сказал он, в очередной раз отказавшись от диктофонной записи. Зная свою плохую память, я возразил, что тогда записанное мною будет как у булгаковского Левия Матвея, на что Вардан лукаво заметил: «Пусть будет как у него». Но я этого не сделал, о чем сейчас жалею.

Оставил ли Вардан Айрапетян последователей и учеников? В широком и высоком смысле этого слова, думаю, оставил. Я смею относить себя к их числу. В узком специальном смысле – не могу сказать определенно. Среди немногих венков на его похоронах был один с надписью на ленте: «Вардану от учеников». Мы так и не узнали, от кого был венок.

Левон Абрамян
член-корреспондент НАН РА

*
* *

От редакции: Выражая благодарность автору вступительного слова Левону Абрамян и подготовившему текст публикации Армену Григоряну, редакция считает целесообразным предварить публикуемые записи также краткой биографической справкой об авторе и подборкой высказываний известных ученых, высоко оценивших вклад В.Айрапетяна в русскую филологию.

Вардан Эминович Айрапетян (1948–2019) окончил в 1972 году отделение русского языка и литературы филологического факультета Ереванского государственного университета. В последующие двадцать лет занимался редактированием русскоязычных текстов, являясь штатным сотрудником сначала научной части ЕГУ, затем редакции «Историко-филологического журнала» АН Армении. В 1994 г. переехал (по семейным обстоятельствам) в Данию, где находился до 2000 г., продолжая свою научную работу в однажды избранном направлении – в «герменевтике по-русски», представленной им в первой, изданной в Москве в 1992 г., книге «Герменевтические подступы к русскому слову». После недолго продлившейся (2000–2001) работы в Москве в Институте высших гума-

нитарных исследований РГГУ вернулся в Ереван, где все остальное время жил и работал. В 2000-х вел спецкурсы для магистрантов-филологов в ЕГУ и в Российско-армянском университете. За эти годы вышли в свет следующие труды В. Айрапетяна: “Русские толкования” (М.: Языки русской культуры, 2000), “Толкуя слово. Опыт герменевтики по-русски” (М.: Языки славянской культуры, 2001); 2-е издание с доп. и поправками. (Bibliotheca Ignatiana). Ч. 1–2. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2011, 672 с.; “Толкование на анекдот про девярых людей” (М.: Языки славянской культуры, 2010).

В 2002 г. В. Айрапетяну была присуждена премия Андрея Белого за трактат «Толкуя слово. Опыт герменевтики по-русски». В 2008 г. в издательстве “Языки славянской культуры” вышла в свет книга, посвященная 60-летию ученого, “Человек как слово. Сборник в честь Вардана Айрапетяна”. В составе этого сборника тексты семнадцати авторов, на самом высоком научном уровне представляющих обширную область гуманитарных исследований. По этому сборнику, а также по некоторым другим источникам составлена нижеследующая подборка высказываний выдающихся представителей российской филологической мысли о научной деятельности Вардана Айрапетяна.

... Даже одного только уяснения сути герменевтической ситуации, сформулированного как проблема, было бы достаточно, чтобы признать книгу Вардана Айрапетяна выдающимся событием в области гуманитарного знания, в «науке о духе» (Geisteswissenschaft). Но в этой книге внимательный читатель, умеющий не только слушать, но и слышать, найдет и большее – ответ на ряд стержневых вопросов, предполагаемый в общем виде самой постановкой проблемы, но требующий от исследователя, стремящегося к тому, чтобы ответ был творчески и «энергетически» адекватен вопросу, многих других достоинств. /.../

Читателя не должно обманывать название книги. Конечно, это «герменевтические подступы к *русскому слову*», но это еще не все: книга могла бы быть названа и «русскоязычным комментарием к *общей герменевтике*», с тем добавлением, что весь комментарий состоит из оригинальных герменевтических опытов. Действительно, в центре внимания такие основные кванторы, как «все», «никто», «один», «многие», «единое», «разное», «иное», «свое», «чужое», «целое», «частичное», «сам себе» и т. п., главный «герменевтический» предикат («сказать», ср. также «думать») и главный предикат мироустройства («стоять»), основоположная триада в двух «порядках» – Эпиметеевом (дело-слово-мысль) и Прометеевом (мысль-слово-дело), ключевые проблемы – слово и человек, слово и имя, круглое число и т. п. Автор книги скуп на слова и постоянно ограничивает себя в тех

выводах или даже соображениях, которые расширяют круг герменевтических проблем и о которых он мог бы, вероятно, сказать нечто важное. /.../

Вместе с тем эта книга относится и к русистике – она посвящена русскому языку и текстам на нем, увиденным с точки зрения их смысловой структуры, которая раскрывается и истолковывается с помощью высокого герменевтического искусства. В пору тяжелого, полубомбочного состояния русского языка, проявляющегося не столько в очевидных признаках деформации и как ее следствие ущербности на относительно «формальных» его уровнях, сколько прежде всего в «повреждении» всей смысловой структуры его, распространяющемся и на самих потенциальных носителей высших смыслов, на их дела и мысли, на землю, где они живут и умирают, – в эту пору читатель представляемой здесь книги, может быть, не пройдет равнодушно мимо нее, удивится и оценит удивительное вслушивание в наш родной язык, понимание его тонкостей, никогда не открывающихся (даже случайно) равнодушному сознанию, умение обжить язык как свой любимый дом, жить в котором – в радость. А удивившись и оценив сделанное автором, читатель, возможно, впервые сознательно взглянет и на свой бедный и страдающий язык, исполнится жалости к нему и почувствует перед ним свою ответственность и свою вину. И тогда, конечно, он вспомнит и автора этой книги Вардана Айрапетяна, который несет бессрочную службу русскому слову. Он всегда на часах, и смысл этого слова – его главная забота, ею он живет, полно и подлинно. «Слово как человек», – сказал он. «Но и человек как слово», – откликнемся мы, напомнив, что подлинное живое слово несет в себе глубокий бытийственный смысл.

В. Н. Топоров. *«Герменевтические подступы к русскому слову»*
Вардана Айрапетяна. Вместо предисловия //
Человек как слово, с. 27-28, 32-33.

... В 1992-м в московском издательстве «Лабиринт» вышла книга в белой мягкой обложке – «Герменевтические подступы к русскому слову», заслужившая сразу признание двух таких филологов, как В. Н. Топоров и В. В. Библихин. После были еще две книги и разные публикации, но новой темы не было: воистину автор знал (и до сих пор знает) одной лишь думы власть, и другая тема ему была не нужна. Тема одна и *своя* настолько, что автор может ее изнутри расширять и наращивать, кажется, без конца, вовлекая в нее материал словесности почти безбрежный. Айрапетян с признательностью называет своих учителей – В.И. Даль, Бахтин, Топоров, – но он не имеет рядом с собой союзников, с кем он мог бы образовать что-то вроде общего «направления». Он сам себе направление, и при весьма широком составе имен, которые

привлекает себе в подмогу, цитирует и на них опирается, по существу работа его одинока. Этот толкователь русского слова заслуживает сам толкования.

Читатель Вардана Айрапетяна встречается с текстами, каких он ни у кого не мог прочитать. У Бахтина – недаром все же он тогда стал поводом к первой встрече – есть в ранней философии поступка описание того, что названо им эстетическим созерцанием: «напряженно замедлить над предметом, закрепить, вылепить каждую мельчайшую подробность и деталь его. Только любовь» – продолжает Бахтин – дает нам так рассмотреть предмет. И ведь это словно бы описание излюбленной формы Айрапетяна. Его форма – монографический лаконичный (предельно) этюд, в котором автор склоняется над каким-нибудь произведением русской речи, чтобы над ним «напряженно замедлить» – «все как один», «карты в руки», «зеркало души», «анекдот про девярых людей», или проще простого – что значит словечко «думать». Напряженно замедлить, чтобы истолковать, – толкование же уводит нас весьма далеко за границы этого речевого произведения, в толковательное пространство, какое автор предпочитает называть герменевтическим более, нежели лингвистическим /.../.

Армянский смысло толкователь избрал себе в Ереване жизненным делом русское слово, обучая вниманию к нашему слову русских филологов. Наш фольклор, пословица, сказка – его основной материал и предмет; литературу, слово «написанное», он несколько даже третирует как материал для своих целей второстепенный, но при этом умеет аналитически прочесть в литературе то, что литературоведами так не читается.

С. Г. Бочаров. О Вардане Айрапетяне // Человек как слово, с. 9-10.

Эта книга давно была нужна и останется надолго. Наша беда, если ее создатель уедет, не найдя у нас себе места. Замену ему будет найти трудно. Начатое им дело отличается от привычной нам работы научно-го суммирования. Он прокладывает трудный путь возвращения из филологического Египта на родину слова. Трудный, потому что ведущий мимо зыбей публицистики, мимо суши академизма к вещи, которая слишком близка нам, чтобы мы, спеша к нашим далеким целям, успевали ее замечать. Ставится вопрос о том, каким умом построен наш собственный язык. Его ум прям и по существу нам неведом. В нем мудрость самой земли, которой глупость не противоположна. Надо заглянуть туда – странно сказать куда: в то, что мы сами говорим каждый день. Могло ли такое случиться, что суть говоримого нами проходит мимо нас, что язык без нас несет через нас что-то свое? – Вопросом на вопрос: а могло случиться иначе, если слово не условность, не человеческая поделка? Если мы через него договариваемся до всего и о нем

договариваемся на нем же?

Едва удерживаешься от того, чтобы вместо рецензии просто делать длинные выписки из книги, так она питательна.

В. В. Бибихин. *Вардан Айрапетян. Герменевтические подступы к русскому слову // Человек как слово, с. 34.*

В лице чествуемого здесь и сейчас Вардана Айрапетяна мы имеем автора трех выдающихся по своим достоинствам и прежде всего по их новизне книг по герменевтике русского слова и лучшего у нас герменевта, мыслителя, постоянно думающего об этом слове, исследователя, открывшего в нем глубины, до сих пор остававшиеся неизвестными.

Эти глубины открывают новый смысловой горизонт толкуемых слов, новые связи и переклички этих слов, расширяющиеся их контексты. Одним словом, исследователь трудится над тайной слова, которая и есть его душа, сердце его, которое нередко говорит об этой тайне больше, чем может сказать ум, рассудок, расчет, ибо сердце всегда обращено к целому, всегда большему, чем сумма составляющих его элементов, к «огненности» слова, к тому в нем, что постигается сначала интуицией и лишь потом проверяется расчетом и результатами исследования. Это сочетание интуиции и расчета вело и ведет Вардана Айрапетяна к тем источникам, где можно найти живую воду – к народной речи, к фольклору, к Далю, наконец, к собственному языковому чутью, прошедшему долгую школу того языка, в котором открывает себя сама народная психея.

Дай Бог, чтобы эта подвижническая пахота на ниве русского слова продлилась, чтобы пример Вардана укрепил в других веру в правильности этого пути, чтобы герменевтика русского слова обрела всю возможную глубину своего дыхания.

Благодаря Вардану Айрапетяну в конкретной герменевтике русского слова произошел тектонический сдвиг, мы узнали много нового о русском слове, которое самоуверенно считали вдоль и поперек изученным и до конца исчерпанным. За радость этого открытия нового в старом наше спасибо Айрапетяну.

В. Н. Топоров. *Речь о Вардане Айрапетяне [по случаю вручения ему премии Андрея Белого за 2002 год]–
<http://belyprize.ru/index.php?id=67>.*

... Это был идеальный тип *независимого исследователя*, независимого во всех – прямых и переносных – значениях данного выражения, независимого от житейских условий, от общественного мнения, от научного окружения. /.../ Вардан Айрапетян был полностью и без остатка выражен в своем интеллектуальном труде: грандиозном проекте, кото-

рый может быть определен как *герменевтика русского слова*, едва ли не в первую очередь – слова фольклорного: провербиального, анекдотического, сказочного («Пословичный портрет дурака», «Толкование на анекдот про девятых людей», «К числам в сказках» и др.). /.../ Проект Вардана Айрапетяна представлял собой все увеличивающуюся в объеме Книгу, которую он писал всю жизнь, бесконечно исправляя, дополняя и дописывая ее /.../ Вардан был человеком трагического мироощущения, экзистенциально одиноким. Он шел, стараясь никого не задевать плечами и не оставлять следов. Его гордое мнение о себе – в отличие от самоуверенной посредственности – уравновешивалось редкостной талантливостью и интеллектуальной цельностью.

С. Ю. Неклюдов. *Вардан Айрапетян (1948–2019) // Фольклор: Структура. Типология. Семиотика. 2020. Т. 3. № 1, с. 211–213.*

Новые записи (не своей рукой*) к ТС¹

2012

4 июня

К зеркалу бога (г7333): есть и зеркало чёрта, оно кривое. Герменевтическая неудача Гоголя (г72122) в том, что его зеркало было кривое, а он этого не признавал, ср. эпитафия Ревизора «На зеркало неча пенять, коли рожа крива». Бог зеркало моей дружости, а чёрт зеркало моей самости; бог один на всех, а чёрт у каждого свой. Иван Карамазов чёрту (11.9): «ты – я, сам я, только с другою рожой» и дальше. Сюда же Черный человек Есенина. Кривое зеркало и *кривотолки*. – М.б. для г73332: Кривое зеркало. Даль о зеркале – см. тетрадь 12², под 8.3.99.

начало июня

Некоторые находили фигуру Раскольникова неправдоподобной: как мог пишущий статьи бескорыстный теоретик взять топор и убить старуху? Тут явное противоречие, и Достоевский это учел в Братьях Карамазовых: там философствует Иван, а убивает Смердяков. Грех Раскольникова распределен на троих: Иван думает об убийстве отца, Митя говорит, а Смердяков его совершает. Но это не значит, что случай Раскольникова первичен относительно случая Карамазовых. В Братьях Карамазовых Достоевский восстановил раннее состояние, ср. три социальные функции по Дюмезилю. Фрейд ухватился за эту архаику в статье Достоевский и отцеубийство. – Для а22211: Раскольников и Карамазовы.**

20 августа

К толковательским именам, д54531: не только *Гермоген* образовано от имени Гермеса, но и *Ермолай*; сюда же *Ермак* и может быть *Ермил*. Ср. при сближении *толк* и *толкать/толочь* (64 и 43) нарицательное *ермак* ‘малый жернов для ручных крестьянских мельниц’ – Даль. У него же вятское *ермóлить* что ‘мять, тереть, драть, чесать, скрести’.

25 ноября

К б148 и б263: Пушкин в письме брату от начала января 1824 про Александра I *Иван Иванович*.

* Гаянэ Ахвердян и Армену Григоряну я признателен за терпеливую помощь.

¹ Айрапетян В. Толкуя слово: Опыт герменевтики по-русски. 2-е изд. с доп. и поправками. (Bibliotheca Ignatiana). Ч. 1–2. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2011. Обозначения г7333, б148 и под. отсылают к абзацам этой книги. – Примеч. публикатора.

² Одна из 19 записных тетрадей, хранящихся в архиве автора. – Примеч. публикатора.

** Запись А. Григоряна по памяти с правкой автора.

9 января

К 63161: двойственное 'как' лежит в основе парадокса последователя (д552).

15 февраля

К *думать себе* в г41: *And I think to myself: What a wonderful world!* – поет Луи Армстронг.

К в54: Толкуемое слово в филологической герменевтике соответствует в логической теории определений термину, условному сокращению синтетического сочетания отличия с родом.

К в5231: «Век живи, век учись, дураком помрешь.»

20 февраля

К а12213: «Ты должен полюбить себя прежде чем полюбишь кого-то другого.» «Полюбить себя это начало пожизненного романа.» – Оскар Уайльд. И «нарциссическое» стихотворение Лимонова *Я в мыслях поддержку другого человека---*.

29 апреля

К 62511: Владимир Кормер о формуле *есть мнение* – Крот истории (в начале).

30 мая

Просвещение говорит: «Ты не знаешь и я тебя научу». А герменевтика говорит: «Ты знаешь и я помогу тебе осознать твое знание».

2 июня

М.б. для д58481: Гуманитарный автопортрет: естественные науки по мере своего развития отделяют от себя невольный автопортрет познающего, которым начинают заниматься гуманитарные науки. Но кроме этого невольного автопортрета гуманитарные науки создают и сознательный автопортрет человечества – в этом цель гуманитарных наук. Ср. д53311сл. Сам Борхес мог иметь в виду не человеческие проекции на природу, а связанную с ними старую идею тождества микрокосма и макрокосма (ср. в д564).

30 июня

Продолжение д66424 (после тире): Назначение (русского) человека по Достоевскому в Пушкинской речи и по Эпиктету в д531. «Всемирная отзывчивость» русского духа перестает быть «легкомыслием» (Розанов в д66421) при возрождении большой герменевтики в малой, при «проникновенном истолковании многотысячелетнего опыта человечества, воплощенного во внеофициальных системах символов» (Бахтин в д54). Достоевский мифологизует русского человека, включая в него пушкинский миф. Продолжая Гоголя, он приравнивает Пушкина к русскому человеку. Затем он делает и следующий шаг, приравнивая русского человека к человеку вообще – к человеку, чье предназначение

быть толкователем. Ср. д53311сл.

К 6126: переход от Кириллова к Смердякову – у террориста в Конне бледном Савинкова под 12 апреля.

27 августа

К в5621: сюда же из записи Бахтина о Гоголе (ЭСТ, с. 358): «Мир без имен, в нем только прозвища и клички разного рода.» Прозвище в отличие от собственно имени адресата это заглазное имя предмета речи. Монологический мир предметов речи у Гоголя или Льва Толстого и диалогический мир адресатов и собеседников у Достоевского или Сократа или мальчика Никиты (рассказ Платонова). С этим монологизмом Гоголя связана его герменевтическая неудача (г72122).

10 сентября

К доводу майора Ковалева в 61452: *с носа* столько-то, т. е. с человека, о плате.

26 сентября

К связи Достоевского с Одоевским – статья Розанова о Чаадаеве и Одоевском.

27 декабря

К д6622 и 61263: заповедь Иисуса «Любите врагов ваших» тоже пословица, только доведенная до парадокса, ср. непарадоксальную русскую «Не люби потаковщика, люби встречника».

2014

16 марта

К д535: дальше см. д6111.

19 марта

Около 2005 года Эльза Гучинова спросила меня, что это за армянский «древнейший атеизм» у Мандельштама (Путешествие в Армению, гл. Аштарак, в начале). Я ответил примерно так: в «служении облаков Арарату», восходяще-нисходящих, проглядывает лестница Иакова (Бытие 28.12сл.). Но обычно небо в Аштараке ясное, *синее*, отсюда *синица*. Вот и весь «атеизм». Лестницу Иакова Мандельштам упоминает в Шуме времени, гл. Эрфуртская программа. С Араратом получается еще один, неявный случай, более правдоподобный чем в стихотворении «В хрустальном омуте---» по толкованию Михаила Гаспарова.

25 мая

К 6316: Мифологема и герменевма, мифологический образ и герменевтическое понятие. У Фрейденаберг есть книга Образ и понятие.

Сергей Максимов взял название своей книги Крылатые слова у Георга Бюхмана (Geflügelte Worte), который сам позаимствовал из Илиады; у Гнедича *крылатое слово*. Кстати, греческое *πτερόν* значило и ‘крыло’ и ‘перо’, так что у Гомера должно быть не «крылатое слово», а

«оперенное», т.е. меткое. Бюхман составил словарь литературных цитат, а Максимов составил словарь пословиц и поговорок, совсем разные вещи. В советское время Ашукины тоже выпустили книгу Крылатые слова, на этот раз словарь литературных цитат. Максимов это русский Бюхман, а Ашукины это Бюхман для русских. У Бюхмана литература, у Максимова фольклор. Максимова можно считать младогерменевтом, как и Даля, Афанасьева, Потебню, по аналогии с младограмматиками (которых сначала так называли насмешливо, а потом они сами себя стали так называть). Тут снова противоположность Запада и России: западная грамматика как изучение письменной речи, а герменевт – толкователь устного. – К д62111.***

27 мая

Для в1232: «Мигай будто смыслишь»: *Лучше не бай, глазами мигай, будто смыслишь* (совет дураку, приведен в г7). Сюда же *Слепой тверже думает*, т.е. закрывший глаза, из рассказа Бунина Жертва. Закрытые или прикрытые глаза при думании, связь мысли с темнотой и ночью. Закрытые в испуге глаза, *зжмуриться от страха*.

12 июня

К д54112: встречается такое рассуждение: Чтобы лучше понимать писателя надо прочесть всё, что он читал, но как забыть то, чего он не читал? – Но этого и не нужно.

Новый д58481: Естественные науки и гуманитарные. Мировой человек толкует в своей словесности мир, но невольно вкладывает в свое толкование самого себя (проекции). Из этого толкования развиваются естественные науки, которые критически отделяют от описания мира невольный автопортрет человека. Этот автопортрет становится предметом гуманитарных наук. Так из алхимии получилась химия, а алхимию Юнг связал со своей психологией. Астрология и астрономия, геоцентрическая система и гелиоцентрическая. Гуманитарные науки, прежде всего герменевтика, призваны оправдать то, что в естественных науках распознается как человеческие ошибки (ср. Кузин: в автопортрете только правда – д5848). Борхес в своей притче о художнике мог иметь в виду идею подобия микрокосма и макрокосма (д564) и «Это ты» (д5722). Сюда же предшествующие д671 и 6711. Дело гуманитарных наук с филологией посреди и с герменевтикой во главе (голова и сердце, д6121, но ср. «Гермес в сердце») это по Бёку «познание познано-го» (г5322), это самопознание познающего мир мирового человека. Ср. здесь под 2.6.2013.

17 июля

К д564: сюда же пословица *Клин клином вышибают*. Гомеопатия.

22 июля

*** Запись А. Григоряна по памяти с правкой автора.

К а2221: ср. легковесный вариант той же схемы 3+1 у Дюма: набожный Арамис, благородный Атос и обжора Портос, а еще гасконец д'Артаньян соответственно. «Перечитал ли Достоевский “Трех мушкетеров”, приступая к “Братьям Карамазовым”?..» – Битов, Три плюс один.

27 сентября

К в41121: Почему диалогические находки Алеши Карамазова Ракитин (2.7) и Иван (5.5) называют «литературным воровством», т.е. плагиатом. И наоборот, вор говорит что «нашел» украденное. Алеша как толкователь, ср. у Бахтина.

29 сентября

Для в311: Внешне сложное выражение старше заменимого им внешне простого слова. То есть синтетическое сочетание старше толкуемого слова, чьим значением оно служит. Замена толкуемого слова значением это развертывание свернутого, ср. термин как условное сокращение, которое можно исключить подставив определение. Толкователь развертывает свернутое говорящим. В Братьях Карамазовых дважды (2.7 и 5.5) встречается выражение *литературное воровство*; мы сказали бы уже просто *плагиат*, а Ракитину и Ивану привычнее выразиться описательно. Такое выражение вместо слова для толкователя невыдуманное значение, находка. Еще см. в41121. Ср. в армянском, избегающем заимствований, искусственные сложения вроде *мокроступов* Шишкова.

16 октября

К а23312: еще см. С. Е. Никитина, Об уме и разуме (на материале русских народно-поэтических текстов). В кн. Славянские этюды: Сб. к юбилею С. М. Толстой, Москва 1999, с. 298–307.

25 октября

К а2331, 61277 и 63171: «Они дураки, я один умный», вот начало хитрости. «Я тоже дурак, а вместе мы умные», вот начало мудрости.

Рост на месте свойствен и ребенку и дураку и народу (6331). Отсюда дурак как большой ребенок и народ как большой дурак.

29 ноября

К в4461: у Пришвина есть и *мировой человек* – в дневнике под 13.1.1943 (Армен сообщил).

25 декабря

К 612771: В пословице *Всяк человек / Все люди ложь – и я/мы тож* (ПРН, с. 303 и 200) две точки зрения, сперва на людей без меня и нас, а потом на меня или нас со стороны; в середине опущено звено «я/мы тоже человек/люди». Парадокса здесь нет, его создаст тот, кто сведет две точки зрения в одну.

5 января

К в311, для в3111 (см. здесь под 29.9.2014): *Мокроступы* искусственное слово, его сложил задним числом, подражая ономотету Ивану, пурист Шишков чтобы избавиться от иностранного *галоши*. Пуризм придает литературному языку деланую первозданность. А просторечие не боится заимствований, оно разнообразно их осваивает; так из *галош* получились *калоши*, с притяжением к *кал* 'грязь'. С иностранными словами как с иностранцами.

15 февраля

К а246 и д622: Писатель и читатель оба бывшие слуги-грамотеи, бывшие писец и чтец. Писец перестал записывать чужие слова и теперь пишет за собой свои мысли. Такой писец, от Пушкина до Набокова, воображает что он вправе «себе лишь самому | служить и угождать» (Из Пиндемонта). А чтец перестал читать вслух другим и теперь читает для себя и про себя. К читателю-анагносту Доватур, Платон об Аристотеле. Писатель сам свой говорящий, читатель сам свой слушатель. А толкователь происходит от неграмотного исполнителя словесности мирового человека, он бывший сказитель, сказочник или песенник. Ср. о рапсоде Ион Платона. Писатель живет своей самостью, а толкователь своей дружостью.

10 марта

К д3211: во втором издании ДПС 1 (СПб. 2013, с. 685) (*весьма*) *посредственные* пояснено как «вполне приличные» – тоже плохо.

16 апреля

К в123: *кивнул пальцем* кому, т. е. подозвал указательным пальцем, есть у Тургенева в Дыме (3, дважды).

15 мая

К д546: А Бахтин вместо *доморощенная герменевтика* сказал бы *самодумная*, судя по его строгому отзыву о наших *самодумах-мыслителях*, т.е. русских философах (это место из Формального метода в литературоведении П. Медведева приводит Бочаров, Об одном разговоре и вокруг него), сюда же у Лескова в Захудалом роде 1.21 *отходящая, самодумная Русь*. Философская выучка у Бахтина была немецкая, потому-то он не назвал свою самостоятельную диалогическую герменевтику герменевтикой, а образовал для нее слово *металингвистика* (еще см. д6641), конечно по аналогии с *метафизикой*.

18 июня

Для в312: Первичная метафора и вторичная. Значение слова и кеннинг оба метафоры (синтетические сочетания), но разные. Только первичная метафора, которая сложилась для обозначения нового, чему еще нет своего имени, может потом служить значением этого

имени (см. г53). Только вторичная метафора, которая по-новому раскладывает уже известное слово, может стать кеннингом или риторической перифразой. Сочетанию *железная дорога* до сих пор не нашлось однословной замены, а вместо *серебряной бумаги* мы теперь говорим просто *фольга*. Другое дело скальдический кеннинг ‘дорога китов’ или журналистское *черное золото*, они появились после слов ‘море’ и *нефть* и в толковый словарь не годятся. Искусственная вторичная метафора не совпадает с естественной первичной, писательская проконструкция с толковательской реконструкцией (д12), поэтика и риторика не заменяют собой герменевтику. Два вида метафор образуются двумя разными синтезами, до и после анализа. Еще см. г5331 и д122.

20 июня

К а2425: после заготовки для в312 (предыдущая запись) оказывается что аккадское название нёба я определил (в последних дополнениях) как кеннинг неверно, это должно быть первичная метафора, а не вторичная, т.е. не кеннинг. А *дурь без корня* в б3431 действительно кеннинг камня.

17 июля

К д584: Не(до)понимающий похож на говорящего на чужом языке, который знаешь всегда недостаточно; невольные ошибки в твоей речи (начиная с акцента) выдают твой родной язык, язык твоих мыслей. Что же делать толкователю? – Не пытайся усваивать как в детстве чужие слова (ср. Мандельштам и Хлебников в д54), но отчуждай усвоенные смыслы.

2 сентября

Для д58471: «И чувства нет в твоих очах---»: Догадку Александра Николаева (в зеленом издании Библиотеки поэта) о том, что это стихотворение Тютчева обращено к самому себе, можно подкрепить сопоставлением с Невыразимым Жуковского. *И нет в творении Творца!* отталкивается от *сие присутствие Создателя в созданыи* (это присутствие – старая богословская идея). Время действия у Жуковского день на закате, а у Тютчева ночь, знаменитая тютчевская ночь. Дневной человек Жуковского любит природу, Божьим миром и в благоговейном умилении не находит для него слов, а ночной человек Тютчева у себя дома один смотрит в зеркало – отсюда о себе во втором лице (я в зеркале как другой, д582) – и тоже не находит слов для примирения с собой. Это ночной суд над собой перед зеркалом. А в стихотворении Ходасевича есть некоторое самодовольство, невозможное для Тютчева с его чувством вины и отчаянием. – К Пушкину и Ходасевичу в д5847 надо было добавить Черного человека Есенина.

13 сентября

Ко *Всемучеловеку* Пришвина (в4461) – его запись в дневнике под

9.5.1944 о *едином человеке* (Армен сообщил).

14 октября

К ответу Юнга в б12763 – Цветаева в дневнике под 27.1.1941: «Верующая? – Нет. – Знающая из опыта.»

19 ноября

Для а2413: *и снова скальд чужую песню сложит | и как свою ее произнесет* Манделъштама и Пьер Менар, автор «Дон Кихота» Борхеса.

2016

17 февраля

К а4411 (в последних записях): *Не искал бы в селе, а искал бы в себе и Не нашел в себе – не ищи и в других* (ПРН, с. 578 и 620).

22 февраля

К д6643 (в последних дополнениях): Герменевтическое в Мастере и Маргарите: кроме демифологизации Евангелия «как я угадал!» Мастера, тема луны, отказ Бездомного от своей писанины. Слово *писатель* в романе такое же отрицательное как у Манделъштама в Четвертой прозе.

18 апреля

К г57: синтетичен и оксюморон.

К б22112: этимологическая фигура *согнуться в три погибели*.

20 апреля

Ко *ртом глядеть* в б144сл.: равнозначные *прозевать* и *проморгать*.

14 ноября

К в522: близко к *логосу* по своему охвату и армянское *ban*.

17 декабря

К переносному *кремень* в в4472: переносное *искромётный*.

К в56411: *река* как первичный путь и *течь* как ‘бежать’.

2017

25 февраля

К *another* в б261: ср. *someone else*.

12 апреля

К вере и знанию (а24522, б12763 и д53512сл.). Гностическое Евангелие Фомы недаром приписано апостолу недоверчивому. Там нет рассказа о земной жизни Христа, только речения Иисуса. Не миф, требующий слепой веры, а логос, дающий зрячее (со)знание, ср. *ведать-видеть* (об отличии *мифа* от *логоса* Топоров, отсылка в д1211). Так что Фома первый христианский гностик. Гностическое «Я не верю, я знаю» Юнга, вот ответ толкователя. Религиозная вера разделяет людей на сек-

ты, а религиозное знание, герменевтически восстановленное как сознание, всех нас объединяет. Анекдотические *девятью людьми*, Кириллов Достоевского и «мое не-алиби в бытии» (Бахтин, *alibi=инде*, арм. *aylur*) глазами иного для всех включая меня. Служанкой богословия стала даже не философия, а вошедшая в средневековый трювкий риторика; о ней д62112. Убедить красноречием, заставить поверить, но не помочь осознать толкованием. Предательская передача, последователь-преследователь (д552). Протестантский отказ от предания, от наследия отцов церкви был и отказом от риторики в пользу герменевтики. Лютер в д541 (Писание «свой собственный толкователь»), Бультман в д671 (демифологизация ради керигмы), о протестантской герменевтике а24524 в последних дополнениях.

8 сентября

К д6643 (в последних дополнениях): Литература относительно фольклора слишком сознательна, а относительно (малой) герменевтики, которая призвана служить самосознанием стоящей за фольклором большой герменевтики мирового человека без отсебятины и произвола, литература недостаточно сознательна и слишком произвольна. Литература как святоотеческое предание, фольклор как Писание, толкователь как отказавшийся продолжать предание ради верности Писанию протестант, для кого оно «свой собственный толкователь» (Лютер в д541). Еще см. д552, 1211, 66411 и а24524.

23 ноября

К Паскалю в д534 – так и Флоренский в письме Розанову от 27.10.1910: «Думай сам, а говори чужими словами», «не верь никому, а ссылайся на всякого». В этой намеренной «ненаивности» (Бахтин о Достоевском), сюда же Бахтин об «эвристической любви» (д511), называется вся разница между мной и другими, между своей мыслью и чужим словом, между мысленным пониманием и словесным толкованием. Человеческая непростота-непрямота, она же пестрота из пословицы «Рысь пестра снаружи, а человек внутри».

2 декабря

К 633: Похож на коммивояжера с галстуками Свифт, он поставил своего Гулливера в положение иного для иных (взаимная инакость), причем двойственного: у лилипутов великан, у великанов лилипут. Этого иначенья оказалось достаточно чтобы Гулливер стал любимым детским героем. Иначенья Пушкина (625).

7 декабря

К д5831, лицо как зеркало: Искушающего Еву змея многозначительно изображали с лицом самой Евы. Это прообраз женщины перед зеркалом самолюбования. А за зеркалом мужского самопознания стоит Бог, так по моей догадке на рисунке Брейгеля Каждый (г733); ср.

Ухтомский в б12762 и д58522, но и Тютчев в д5847.

23 декабря

К в2511: Бродский всё-таки принял представительство может быть вспомнив свое написанное в ссылке и изданное уже посмертно стихотворение Народ.

2018

14 января

Для а2231: Общая филология. Событие говорения, речи, слова внешнее и внутреннее – предмет нужной гуманитарным наукам обшей филологии. Книга с таким названием, но не содержанием есть у любителя риторики Юрия Рождественского, а у Бахтина есть много важного по общей филологии, но без этого названия (похоже с русской герменевтикой, см. дб641). Русской герменевтике надо опираться на свою общую филологию, чужие философия языка, общая лингвистика или семиотика ей не опора. Внешне говорение посредничает между деланием и думанием, оно третье посередине в заданной прометеевой триаде мысль слово дело и в данной эпиметеевой триаде дело слово мысль. Дочеловеческая диада дело мысль (как образ дела). Внутренне говорение состоит в том, что говорящий обращается к слушателю-адресату со своим словом о предмете речи. Вопрос о говорящем (а242 с прим.). В силу подобия слова человеку, самому говорящему понимаемый как сумма вариантов фольклорный текст соответствует мировому человеку как единому множеству единичных представителей; нет канонического варианта и нет единственного представителя, отсюда множественное вежливости. Переход говорения другим в думание при других через говорение-думание сперва вслух, потом про себя. При этом адресат и собеседник говорящего становится предметом его речи и мысли. Несловесное говорение знаками. Народная герменевтика (дб3 и 1211) находит такие знаки в мире и толкует их словесно. Для стоящего за народной герменевтикой мирового человека мир не безгласный предмет речи, а живой собеседник. Слово и имя. Вопрос и ответ. Слово речи (высказывание по Бахтину) и слово языка как наименьшее возможное слово речи. Говорящий, слушатель и толкователь, гелиоцентрическая аналогия: Солнце, Земля и Луна. Фольклорная речь как животворящий солнечный свет, та коллективная речь, которой не приметил индивидуалист Соссюр (в32111 и а24212). Значимое чужое слово и толкуемое свое. Опасное изобретение письма. Писатель как пишущий сам за собой писец, читатель как читающий сам себе чтец. Литература это писанина писак, только фольклоризмом она и держится. Письмо и (научная) точность.

31 января

К концовке армянских сказок в д521: армянскую пословицу *Asolin isol ē petk' 'Говорящему слушатель нужен'* можно дополнить так: *Isolin ēl meknič 'а слушателю толкователь'*. Ср. дополнение к пословице *В поле воля* в д4211. О связи пословиц с толкованием в д53511. Пословицы Иосифа у Томаса Манна – Иосиф и его братья 3.7, гл. Пустой дом. Мы понимаем толкуя, но пока слушатель не сознаёт своего незнания, пока не задается вопросом о значении непонятого, пока не призывает толкователя ответить, толкование не состоится.

4 апреля

К д5332: Толкователь это представитель говорящего при слушателе, а представитель слушателя при говорящем это прежде всего писец, он же чтец. Он и есть второй посредник (не только толкование, письмо тоже дар Гермеса), четвертый участник события говорения. Писец появляется поздно и не у всех. В дописьменное время толкователь просто исполнитель фольклорного произведения. С изобретением письма и появлением писца народная герменевтика начинает уступать место герменевтике ученой. Толкователи от условного Гомера до филолога Аристарха; переходный случай – чтец и толкователь Гомера Ион в диалоге Платона. Когда самоуверенный писец станет писателем, единоличным именитым автором, толкователь может послужить его переводчиком. Писца теперь заменило записывающее устройство, толкователь до сих пор не устоялся, зато писатель и с ним переводчик торжествуют.

21 сентября

К парадоксу лжеца, б12771: Есть русская пословица «Все люди ложь, и мы тож» или «Всяк человек ложь – и мы тож» или «Всяк человек ложь – и я тож» (ПРН, с. 303 и 200), ее первая половина восходит ко Псалтири, 115.2. Сперва я смотрю на людей со стороны и не помня себя выношу суждение о них как сам-иной; но потом, поскольку я тоже человек, я смиренно смотрю на себя глазами бога-инога и сужу себя как другого среди других. Мудрец Эпименид просто применил к себе равнозначную русской греческую пословицу, вот моя догадка. А высокомерные умники чтобы не судить себя превратили разногласие между человеком и богом в противоречие внутри человека. Так получился парадокс лжеца, ср. о законе тождества в а133 321 и б221.

Публикация А. Григоряна

Ключевые слова: герменевтика, филология, фольклор, естественные и гуманитарные науки, метафора, зеркало, Пушкин, Достоевский, Тютчев, Мандельштам

ՎԱՐԴԱՆ ՀԱՅՐԱՊԵՏՅԱՆ – Նոր գրառումներ (ոչ իր ձեռամբ) «Մեկնելով բառը» գրքի համար – Հոդվածում տեղ են գտել հեղինակի վերջին տարիների լրացումները «Մեկնելով բառը. հերմենևտիկայի փորձ ոուսերեն» գրքի վերա-

բերյալ, որը լույս է տեսել 2011 թ. երկրորդ հրատարակությամբ: Ուսումնասիրվում են մեկնաբանության տեսության և տեխնիկայի, բնական և հումանիտար գիտելիքների, գրականության և բանահյուսության հարաբերակցության հարցերը, շարադրվում է ընդհանուր բանասիրության մասին չգրված գրքի մանրամասն պլանը: Քննության են առնվում Պուշկինի, Դոստոևսկու, Տյուտչևի, Մանդելշտամի և այլ գրողների ստեղծագործության տարբեր ասպեկտներ:

Բանալի բառեր – *հերմենևտիկա, բանասիրություն, բանահյուսություն, բնական և հումանիտար գիտություններ, փոխաբերություն, հայելի, Պուշկին, Դոստոևսկի, Տյուտչև, Մանդելշտամ*

VARDAN HAYRAPETYAN – *New Notes (not by own hand) to the “Interpreting a Word”*. – The publication includes recent years’ additions to the author's book “Interpreting a Word: An Attempt of hermeneutics in Russian” published in the second edition in 2011. Questions of the theory and technique of interpretation, relations between natural sciences and humanities, literature and folklore, are considered, and a detailed plan of an unwritten book on general philology is presented. Various aspects of the writings of Pushkin, Dostoevsky, Tyutchev, Mandelshtam, and others are touched upon.

Keywords: *hermeneutics, philology, folklore, natural and human sciences, metaphor, mirror, Pushkin, Dostoevsky, Tyutchev, Mandelshtam*

Поступление: 10.07.2020,

Рец.: 03.12.2020,

Принято к печати: 25.12.2020